

Все двенадцать заветных баночек оказались в руках Ду Юньтина. Сяо Лю, окончательно разорившись, в слезах ушла в офлайн.

Юньтин припрятал запасы в самой глубине шкафа, оставив при себе лишь одну баночку. Теперь она лежала в его кармане, мерно покачиваясь в такт шагам и то и дело задевая бедро, словно настойчивое напоминание.

Впрочем, сам он не спешил выставлять своё сокровище напоказ.

Время летело незаметно, и год подошёл к концу. Мать Чэнь несколько раз пыталась уговорить сына перебраться обратно в родовое поместье, но, видя, что тот не горит желанием, на время оставила эту затею. Однако празднование Нового года было делом решённым: по её словам, ничто не могло стать оправданием для пропуска семейного торжества.

В первые дни их пребывания в поместье поток желающих поздравить семью не иссякал. Заглянул и Ци Да.

— Тётя Линь! — радушно поприветствовал он Мать Чэнь.

— Проходи, проходи, — отозвалась та и позвала сына: — Драгоценный, помоги встретить гостя.

Ци Да широко улыбнулся:

— Какой же я гость? Я ведь вырос на ваших глазах, тётя Линь.

С тех пор как Ци Да впервые увидел вернувшегося сына семьи Чэнь, тот не выходил у него из головы. В их кругах хватало всякого сброда, но Чэнь Юаньцин обладал той редкой чистотой и искренностью, которые сразу подкупали. И внешность, и характер юноши целиком и полностью отвечали его вкусам.

Вернувшись домой после того визита, Ци Да переговорил с родителями, изъявив желание поближе познакомиться с Юньтином. В этот раз его праздничные подношения были куда богаче обычного. Зная о любви Матери Чэнь к скрипке, он специально разыскал и приобрёл за огромные деньги редкий инструмент работы известного мастера. Звук скрипки был глубоким и насыщенным, а высокие ноты — чистыми и нежными.

Мать Чэнь оказалась в затруднительном положении. Подарок ей очень нравился, но принимать столь дорогую вещь было неловко, поэтому женщина то и дело поглядывала на сына, ища поддержки.

— Это... — начала она, но не успела закончить.

Гу Ли, только что отправивший в рот молочную ириску, сухо перебил:

— Вещь слишком ценная. Прошу вас, заберите её обратно.

— Разве это ценность? — возразил Ци Да. — Я просто хотел пригласить Юаньцина немного развеяться. Вы ведь знаете, тётя Линь, я здесь каждый закоулок изучил. Я —

Ду Юньтин, почувствовав, как на затылке зашевелились волосы, поспешно вмешался:

— Не стоит, я и сам прекрасно знаю этот город. Раньше я работал курьером и объездил его вдоль и поперёк.

«Атлетичный милашка» слегка нахмурился. Заметив явную неохоту Юньтина, он больше не настаивал, но, когда пришло время уходить, выглядел заметно поникшим.

Трус Ду тоже поник. Гу Ли увел его в комнату для профилактической беседы, после которой юноша вышел с чувством, что теперь он понимает в агрономии куда больше любого профессора. После такой «вспашки» он и сам мог бы претендовать на звание эксперта.

В канун Нового года в семье Чэнь было принято посещать могилы предков, чтобы сжечь ритуальную бумагу и совершить подношение вином. Юньтин вместе с матерью совершил три земных поклона в родовом некрополе, а когда поднялся, обнаружил, что господин Гу куда-то исчез.

— А где дядя? — спросил он Мать Чэнь.

Она, ничуть не удивившись, взглянула на часы и вздохнула:

— Должно быть, пошёл на то кладбище... Эх.

Мать Чэнь поправила волосы, растрепанные зимним ветром.

— Столько лет прошло... А-Ли тоже выпала горькая доля.

Ду Юньтин замер в недоумении.

— Я думал, городские захоронения находятся в одном месте. Дядя уехал в город?

Женщина грустно улыбнулась:

— Какой там город... Там стоит лишь пустая стела. Под ней ничего нет.

— Верно, — подтвердил Старый господин Чэнь, невесть когда подошедший к ним с тростью. — Таким, как те оперативники из наркоконтроля, нельзя ставить обычные памятники. Враги ведь мстительны, даже мёртвых в покое не оставят. Разве можно их хоронить на виду?

В противном случае их могилы могли осквернить, подвергнув останки позору. Если человек уже отдал жизнь за родину, зачем обрекать его на новые муки после смерти?

Юньтин помолчал, а затем тихо спросил:

— Мама, а где настоящая могила?

Гу Ли раздвинул сухие заросли. Этот невысокий холм находился совсем рядом с поместьем Чэнь. Из-за скромных размеров он никогда не интересовал застройщиков, поэтому здесь не было даже намёка на приличную тропинку. Мужчина уверенно шёл сквозь шуршащую листву, направляясь к склону на обратной стороне холма.

Там, в тени раскидистых деревьев, притаился одинокий холмик без надгробия. Гу Ли бережно смахнул упавшие листья и достал из сумки благовония.

В этот раз у него была зажигалка; яркая искра на миг озарила сумерки, и тонкие палочки занялись, наполнив воздух терпким дымом. Мужчина аккуратно установил их у изголовья.

— В этот раз я принёс хорошее вино. Отец говорил, тебе нравилось именно такое.

Он наполнил два кубка до краев и слегка столкнул их между собой.

— Праздник пришёл. Выпей побольше.

Внезапно со стороны леса донёсся отчётливый шорох шагов. На ковре из сухой листвы скрыть присутствие было невозможно. Гу Ли обернулся и увидел племянника. На белых кроссовках Юньтина налипла грязь, он заметно запыхался — путь в гору дался ему нелегко.

Взгляд Гу Ли смягчился.

— Почему ты здесь?

— Хотел увидеть дядю.

Ду Юньтин перепрыгнул через последний куст колючего сорняка и подошёл ближе. Он встал плечом к плечу с Гу Ли, наблюдая, как тот окропляет землю вином. Спустя мгновение мужчина опустился на колени для поклона, а затем вновь посмотрел на юношу.

— Идём.

Но Юньтин не тронулся с места.

— Мне тоже нужно поклониться.

Мужчина, вернувшись к своему обычному облику, протянул руку, чтобы увести его, но юноша проявил редкое упрямство. Он замер, не давая Гу Ли поднять себя.

— Зачем тебе это? — со вздохом спросил Гу Ли.

— Как это зачем? — возразил Ду Юньтин. — Мы с дядей — одно целое, значит, это и моя семья тоже.

Он опустился на колени, не заботясь о том, что пачкает одежду в пыли, и трижды отвесил чинный поклон. Гу Ли стоял рядом, и выражение его лица медленно менялось.

Впервые Ду Юньтин видел мужчину таким — в его облике проступило нечто, похожее на незащитность. За все те годы, что Юньтин знал господина Гу, тот всегда был воплощением холодного самообладания и невозмутимости. Казалось, подобные эмоции ему совершенно не свойственны. И только теперь Трус Ду осознал: этот человек вовсе не божество на пьедестале, ему тоже бывает невыносимо больно.

Сердце Юньтина болезненно сжалось, и он крепко сжал ладонь мужчины.

«Двадцать восемь, мне так жаль господина Гу...»

«...Ты всегда можешь утешить его "полевыми работами"», — отозвался голос Сяо Лю в сознании. «Тем самым способом, с посадкой моркови».

Взгляд Труса Ду забегал, и он сухо ответил:

«Это как-то неправильно. Думаю, в такой серьёзный момент не стоит забивать голову

подобным».

Сяо Лю готова была расхохотаться.

«Да неужели?! А кто вчера во сне обсуждал "крупную сделку"?! Думаешь, я не заметила, что утром рулон салфеток заметно похудел?»

Юньтин отвел взгляд и невнятно пробормотал:

«Ну... это потому, что мы спим в разных комнатах, я просто не привык...»

В эти дни они временно поселились в старом особняке. Мать Чэнь была в здравом уме и, разумеется, при наличии свободных комнат не собиралась селить любимого сына и брата вместе. Из-за этого Ду Юньтину пришлось страдать в разлуке со своим обожаемым господином Гу. В его кармане уже ждал своего часа флакон, в котором находился питательный раствор для посадки корнеплодов, но случая применить его на практике всё не представлялось. Оставалось лишь вздохнуть, глядя на закрытую дверь.

«Так продолжаться не может, — твёрдо решил Ду Юньтин. — Пришло время закрыть эту сделку. Крупную сделку господина Гу».

В новогоднюю ночь даже такая состоятельная семья, как Чэнь, не изменяла традициям: все собрались перед телевизором за праздничным ужином, чтобы посмотреть весенний гала-концерт. Юньтин сидел рядом с мужчиной и тайком подкладывал в его чашку ломтики моркови, один за другим. Когда Гу Ли поднимал на него вопросительный взгляд, юноша с самым честным видом заявлял:

— Дядя, это полезно для здоровья.

Сидевшая напротив Мать Чэнь едва сдерживала смех:

— Драгоценный, перестань мучить А-Ли. Он с детства терпеть не может морковь. Для него съесть один кусочек — всё равно что жизнь отдать.

Гу Ли посмотрел на лукаво прищурившегося племянника, помолчал секунду, а затем подцепил ломтик палочками и отправил в рот.

В этот раз женщина действительно опешила. Вот уж диво дивное — неужели и правда съел?

Ду Юньтин внимательно наблюдал за процессом. Было видно, что мужчина почти не жуёт — пару раз хрустнул и поспешно проглотил. Юньтину одновременно хотелось и смеяться, и обнять его за такую милоту. Когда Гу Ли, слегка поморщившись, окончательно справился с овощем, юноша в качестве награды положил ему в чашку кусочек его любимого батата в карамели. Тягучие золотистые нити сиропа на миг повисли в воздухе, прежде чем сладость опустилась в миску.

Морщинка на лбу Гу Ли наконец разгладилась.

Остальные за столом весело переговаривались и поднимали тосты, не обращая на них внимания. И только Мать Чэнь чувствовала в отношениях дяди и племянника некую странную, избыточную близость.

Не то чтобы близость была плоха — Гу Ли был выдающимся человеком с безупречной репутацией, идеальной опорой для юного Юаньцина. Но это родство душ казалось ей несколько иным, чем она себе представляла.

Хозяйка дома на мгновение задумалась, перестав чувствовать вкус еды, пока муж не коснулся её локтя. Очнувшись, она поспешила предложить тост за здоровье Старого господина Чэня.

Гу Ли тоже поднял голову, бросив на сестру короткий взгляд, но промолчал.

После ужина Мать Чэнь присела рядом с сыном. На экране шумели праздничные зарисовки, и Юньтину это искренне нравилось. Пережёвывая конфету, он услышал осторожный вопрос матери:

— Когда это вы с дядей стали так близки?

Сердце Юньтина пропустило удар, но лицо осталось бесстрастным.

— Мы ведь живём под одной крышей, — небрежно ответил он. — К тому же я многому учусь у него.

Мать Чэнь помолчала, а затем спросила снова:

— И всё же, когда ты планируешь вернуться домой?

— Там видно будет, — уклончиво пробормотал Ду Юньтин.

«Шутишь? Как я могу вернуться? Ты когда-нибудь видела, чтобы человек, стоя в шаге от мечты, вдруг развернулся и бросился наутёк?»

Трус Ду мог быть робким, но идиотом он точно не был.

Маленький белый цветок Ду печально опустил длинные ресницы и тихо прошептал:

— Я очень привык жить у дяди. Пока мне не хочется уезжать. Можно я побуду там ещё немного? Я ведь не слишком его обременяю?

«Как коварно! — Сяо Лю про себя отметила. — Использует чувство вины матери, чтобы расчистить путь для своих бесчинств!»

И план сработал безупречно. Мать Чэнь мгновенно растаяла; все подозрения были забыты, и она принялась нежно гладить сына по голове.

— Ну что ты, это же твой дядя! К чему такие церемонии? Мы ведь одна семья...

— Мама! — с чувством воскликнул Ду Юньтин.

В его глазах едва не выступили слёзы благодарности. Он подумал, что она и правда самая лучшая мать.

Одним из главных преимуществ Нового года были подарки в красных конвертах. Хотя Юньтину было уже за двадцать, для семьи он оставался младшим, тем более что родные стремились компенсировать ему все годы разлуки. Конверты были увесистыми, набитыми пачками новеньких купюр.

Гу Ли преподнес свой подарок последним. В его конверте лежал тяжелый предмет. Когда Юньтин вытряхнул его на ладонь, там оказался изящный золотой замок мира и безопасности с узором из облаков, подвешенный на тонкой нити из мелких бусин.

— Пусть Ян-ян всегда будет в добром здравии, — коротко произнес он, коснувшись макушки юноши.

Ду Юньтин сиял от восторга. Оставив пачки денег на столе, он тут же надел оберег на шею. При каждом движении раздавался едва слышный, мелодичный перезвон крохотных бубенцов.

Золотые украшения идут далеко не всем, но кожа Юньтина была такой бледной, что даже золотая цепь смотрелась на нём благородно. Он сунул руку в карман и нащупал маленькую

баночку. Она была на месте.

«Что ты задумал?» — подозрительно спросила Сяо Лю.

«Ничего особенного, — отозвался Ду Юньтин. — Просто собираюсь воплотить мечту в реальность».

«Вы же спите в разных комнатах! Или ты научился исполнять такие мечты на расстоянии?»

«Глупышка, — хмыкнул Ду Юньтин. — Ты хоть и система, состоящая из нулей и единиц, но в жизни совсем не разбираешься. Какое ещё расстояние в таком деле? Я планирую ночную атаку».

Сяо Лю захотелось просто повеситься.

Ночная вылазка требовала тщательной подготовки. Когда особняк погрузился в тишину, Ду Юньтин бесшумно, босиком, выбрался из постели. Он заранее изучил маршрут и теперь без труда добрался до двери Гу Ли. Из щели внизу пробивался тонкий луч света — мужчина ещё не спал.

Юньтин осторожно постучал.

— Тук-тук-тук!

В этот раз Гу Ли услышал. Он открыл дверь и увидел перед собой чистое лицо племянника. Не успел мужчина и слова сказать, как юноша, подобно юркой рыбке, проскользнул внутрь, запрыгнул на кровать и нырнул под одеяло, прижимая к себе подушку. Напоследок он поманил Гу Ли рукой и прошептал:

— Закрой дверь скорее!

Гу Ли замер на мгновение, а затем молча исполнил просьбу. Он подошёл к постели, поймал голень Юньтина, высунувшуюся из-под одеяла, и аккуратно вернул её на место, но руки не отпустил. Он погладил юношу чуть выше, и лицо Труса Ду мгновенно вспыхнуло; он невольно сжал ноги, удерживая ладонь мужчины.

— М-м...

Гу Ли долго всматривался в его лицо, а затем прильнул к нему, накрывая губы поцелуем. В этот раз он был иным — властным и жадным. Ду Юньтин почувствовал легкую боль, а когда коснулся губ пальцами, ощутил капельку крови.

Мужчина тоже заметил этот алый след. Он перехватил подбородок юноши, лаская большим пальцем крохотную ранку. Спустя мгновение он тяжело вздохнул.

— Ян-ян, дядя из тех людей, кто не умеет возвращаться назад.

— Какое совпадение, — Ду Юньтин с усилием приподнялся на локтях, не отрывая взгляда от его глаз. — Я тоже.

В его взоре всё ещё плескался страх, но он упрямо подставил охотнику свою незащищенную шею. И Гу Ли больше не колебался.

Ду Юньтину наконец довелось пройти полный курс практической агрономии. Стоит признать, что вспашка земли — труд изнурительный; в какой-то момент Юньтину показалось, что он просто испустит дух прямо посреди этой борозды. Почва была на редкость благодатной: после многочисленных предварительных рыхлений она не нуждалась в долгой подготовке и была полна влаги, которая мерно стекала вниз. Гу Ли даже на мгновение замер, поражённый тем, насколько податливой оказалась эта земля.

В этот раз Гу Ли решил высадить две культуры: клубнику и батат.

Клубника стелилась низко, но охватывала огромную площадь — казалось, вся делянка покрылась алыми пятнами спелых ягод. У края борозды, где влаги было больше всего, кусты росли особенно густо.

Когда первая корзина была высажена, Ду Юньтин уже весь взмок, словно состоял из одной только воды. Он тяжело дышал, не в силах даже стереть пот со лба, но мужчина уже достал следующий вид саженцев.

Сердце Юньтина ушло в пятки, он судорожно сглотнул.

— Дядя... может, отдохнём... совсем чуть-чуть?..

— К чему отдых? — Гу Ли поднял взгляд и бережно вытер его лицо. — Работы много, нужно закончить всё сегодня.

Юньтин чувствовал, что его силы на исходе; его била мелкая дрожь. Он попытался упереться в плечи мужчины:

— Давай завтра...

Гу Ли посмотрел на него, и на мгновение Юньтину показалось, что тот смягчится. Но в ту же секунду мужчина решительным движением вогнал саженец батата глубоко в землю.

— Ждать не будем.

У Ду Юньтина искры из глаз посыпались.

Батат, он же сладкий картофель, славится своей гладкой красноватой кожицей. Согласно справочникам, его корнеплоды могут иметь самую разную форму, но Гу Ли явно раздобыл какой-то элитный сорт. Один только корень был куда внушительнее тех, что обычно попадают на стол; он был ровным, крепким и на редкость полным. Из такого батата наверняка получится отличный урожай.

Гу Ли проделал в почве глубокую ямку и медленно погрузил в неё весь плод целиком, оставив снаружи лишь пару листочков. Выверив глубину, он принялся за планомерную посадку. Именно тогда Ду Юньтин вспомнил о своём секретном оружии.

Он извлек питательный раствор, и Гу Ли, коснувшись прохладного состава, посмотрел на него тёмным, полным вопроса взглядом.

— Это... для полива, — с трудом выдавил Юньтин.

И мужчина всё понял.

Движения пахаря могли показаться монотонными, но гармонизирующая мазь оказалась поистине чудодейственной. Она сделала процесс посадки куда легче, позволяя без труда преодолевать сопротивление почвы и погружать саженцы максимально глубоко. Гу Ли, хоть и читал много книг по сельскому хозяйству, сам был выходцем из богатой семьи и никогда не занимался ручным трудом. В этот первый раз он не рискнул применять сомнительные новшества и придерживался самого древнего способа — ручной обработки.

Но даже при этом Ду Юньтин едва не лишился чувств. Солнце словно палило нещадно, капли пота скатывались по шее; он не видел себя со стороны, но чувствовал, что лицо пылает. В голове шумело, перед глазами всё плыло, словно при тепловом ударе, и в конце концов он просто бессильно прильнул к мужчине, позволяя тому унести себя.

В полузабытьи он слышал какой-то мелодичный, непрекращающийся звук.

На лодыжке Юньтина сомкнулось нечто прохладное. Тонкий перезвон бубенцов сопровождал каждого шагу мужчины.

— Хороший мальчик, — прошептал Гу Ли, отводя в сторону его влажные волосы.

Юньтин подумал: «Конечно, я хороший мальчик, только этот хороший мальчик, кажется, сейчас отдаст концы...»

Вероятно, тепловой удар оказался слишком сильным, потому что на следующий день Ду Юньтин не смог даже пошевелиться. Его тело ныло так, словно его долго били палками. Жара не было, но ноги наотрез отказывались держать его.

Он лежал пластом, жалуясь системе.

«Двадцать восемь, я всё. Я инвалид».

«Это было ужасно, — вспоминал Юньтин с содроганием. — Я ведь думал, что посев — дело плевое, минут на пятнадцать-двадцать...»

«Судя по твоему нытью, не так уж тебе было и больно», — съязвила Сяо Лю.

Юньтин немного помолчал, а затем честно признался:

«Больно-то почти не было... Но как же я устал! Такое чувство, что все кости переломали. Хорошо, что я делал те упражнения для ног, иначе точно был бы перелом. Двадцать восемь, та мазь — просто чудо».

«И кто только её изобрёл?» — поинтересовался Юньтин.

Голос Сяо Лю мгновенно изменился, в нём зазвучало благоговение:

«Это разработка нашего Главного Бога! Наш Главный Бог — светоч морали и образец для подражания! Он знает "Введение в основные принципы марксизма" наизусть и может процитировать его даже задом наперёд!»

К концу фразы электронный голос системы даже слегка дрогнул от избытка чувств.

«Наш Главный Бог — истинный товарищ!»

«Твоё поклонение похоже на фанатский экстаз, — заметил Юньтин. — Осталось только достать светящиеся палочки и начать скандировать его имя. А твой идеальный Бог когда-нибудь ведёт себя... не по-марксистски?»

«О чём ты?! — возмутилась Сяо Лю. — Наш Главный Бог — само воплощение гармонии!»

«Тогда зачем он создал эту гармонизирующую мазь?» — резонно подметил Юньтин.

Система на мгновение лишилась дара речи.

«Ну... это... это потому что...»

«Подумай хорошенько, — вкрадчиво продолжал Ду Юньтин. — Бывало ли так, чтобы он запирался с кем-то в кабинете и не выходил до следующего утра?»

«Бывало... Но он говорил, что это дополнительные занятия, что тому товарищу нужны индивидуальные наставления!»

«И всегда с одним и тем же товарищем, верно?»

«...Да».

«Глупышка, — с сочувствием произнес Юньтин. — Это и была вспышка поля».

Система замерла, словно пораженная громом. Ду Юньтин лишь покачал головой — случай был тяжёлый.

«Твой Главный Бог на самом деле совсем не знает слова "гармония"».

Сяо Лю зашлась в истошном плаче. В порыве отчаяния она вытащила из своей системы обмена дюжину яиц, с грохотом обрушила их на голову Ду Юньтина и мгновенно ушла в офлайн.

Ошарашенный Юньтин, по лицу которого стекала липкая масса из белков и желтков, замер на кровати. Именно в этот момент дверь открылась, и вошёл Гу Ли.

— Всё не так, как кажется, — Ду Юньтин вытер глаз, по которому размазался желток, и попытался сохранить достоинство. — Я просто... делаю маску для тела из яичного белка.

<http://bllate.org/book/15364/1372889>